

вания народного песенно-хореографического творчества – от далекого этномузыкального прошлого к современным ему достижениям советской культуры.

1. Бугаева, О. В. Архівна спадщина Музичного товариства імені М. Д. Леонтовича : моногр. О. В. Бугаева ; НАН України, Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського ; наук. ред. В. М. Даниленко. – К. : НБУВ, 2011. – 388 с.

ПСИХОДЕЛИЧНОСТЬ СМЫСЛА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

А. В. Довгань,

*кандидат филологических наук, заместитель директора
Научной библиотеки Национальной академии
руководящих кадров культуры и искусств (Украина)*

Культура является не только и не столько результатом человеческой деятельности, средой, в которой она разворачивается во всей своей динамике, но и также строго очерченными рамками, границами *нормы*, в пространстве которой она бытует. Согласно мифологии поиск освобождения, райского состояния свободы является внеисторическим корнем исторического процесса. Этот поиск был и остается *raison d'être* (смысл существования) сознательного паломничества человеческого вида сквозь время. Именно во имя приближения к этому освобождению, человечество выстроило – потом частично отвергло – бесконечную процессию обществ, правительств, философий и религий, – утверждает американский философ Т. МакКена.

В этом контексте психоделический опыт необходимо рассматривать в качестве странствия в новейшие области познания. Так, сфера деяния и содержание данного опыта являются безграничными, характерной чертой представляется *выход* (трансценденция) *за пределы вербальных понятий* и пространственно-временных измерений, то есть за пределы Я. К такого рода опыту расширенного сознания можно прийти различными способами: с помощью *сенсорной депривации* (частичного

или полного прекращения внешнего воздействия на органы чувств), упражнений йоги или систематической медитации. При этом данный опыт может иметь место в минуты религиозных или эстетических экстазов, а также может возникать внезапно [4, с. 13].

Разработкой упомянутой проблематики занимались Р. Абелсон, К. Абульханова-Славская, Л. Анцыферова, Г. Бейтсон, П. Бурдые, Ф. Василюк, Л. Витгенштейн, А. Дугин, Д. Зуев, Е. Крупицкий, А. Кулик, Р. Лазарус, О. Ларичев, Д. Леонтьев, Т. Лири, Д. МакКена, Т. МакКена, А. Маслоу, Д. Рид Слеттери, К. Роджерс, С. Рубинштейн, А. Филиппов, В. Франкл, К. Фицпатрик, Р. Шанк и др.

Целью работы является рассмотрение особенностей места и роли психоделичности смысла в контексте культуры. *Предметом* – специфика психоделичности и природа этого феномена.

Как известно, *образ есть факт* [2] и это, в первую очередь, доказывает сама природа языка, являющаяся графической (то есть наглядной) структурой, закрепляющей через форму образа *смысл*. При этом материальное взаимодействие сознания и рассудка, а также его потенциал манипулирования посредством галлюциногенных веществ может спровоцировать ситуацию, когда новые и радикальные экспериментальные подходы прольют свет на проблемы, до сих пор толком неизученные. На наш взгляд, дело тут в том, что под действием галлюциногенов рассудок прекращает воспринимать норму в качестве *границы*, открывая в себе силы выйти за ее пределы, фактически становясь способным к подлинному акту творения.

При определенных условиях смысл можно рассматривать в качестве призмы, адаптирующей онтологическую реальность под прокрустово ложе человеческой интерпретации. Именно поэтому субъективная рефлексия важного события зависит от того, как человек его воспринимает, понимает, оценивает и переживает, то есть следует полагать, что важное жизненное событие представляет собой набор компонентов, представленных различными психологическими феноменами [3, с. 86]. Таким образом, смысл представляется нормой, прежде всего культурной, лимитирующей степень вариативности интерпретирова-

ния фактов онтологической реальности. Однако традиционный смысл, представляющий динамику постижения реальности индивидуумом, находится в оппозиции к абсурдному. Тем не менее последний является деструктивным по отношению к своему собрату, вследствие своей дискредитирующей роли. Содержа в своей структуре элементы традиционного смысла, он представляет собой их гротескное сочетание, что приводит к полной нелепице, дискредитации связи между предметом и его названием, разрушению языковой картины мира индивидуума и прочему.

Вышеизложенное позволяет говорить о *психоделичной природе смысла*, поскольку выбор представляется его воплощением, локализуясь среди крайних точек системы «осмысленность/неосмысленность», позиционируемой в качестве основы для принятия решения [Там же, с. 87]. Идти короткой дорогой по пути, непосредственно соединяющему каждое обозначающее с соответствующим обозначаемым, экономить на долгом обходе через полную систему обозначающих, внутри которой определяется *относительная значимость* каждого из них (не имеющая ничего общего с интуитивно понимаемым «смыслом»), – значит обречь себя на приблизительность, на рассуждения, которые в лучшем случае будут совпадать с самыми поверхностными обозначениями; <...> значить взять на вооружение некоторую антропологическую интуицию юнгеровского типа, поддерживаемую фрэзеровской компаративистской культурой, которая изымает из целого мира мифических систем и универсальных религий вырванные из контекста темы [1, с. 8].

В незападных культурах, в особенности в примитивных, люди не ощущают себя живущими в историческое время. Они полагают, что живут в загадочном сакральном времени. При этом если последние и осознают историю как таковую, то они воспринимают ее мифической, былинной. Это история райской эпохи, лежащей за пределами изнуряющего влияния бытового момента, при этом этот момент можно рассматривать в качестве культуры, контекстуализированной социумом.

Последняя при этом выступает в качестве лимитирующего факта, границы, разделяющей реальность на оппозиционные блоки, природа которых парна: осмысленность/неосмыслен-

ность, абсурдность/осмысленность, психоделичность/трезвость и прочие. При этом психоделичность смысла, по нашему мнению, представлена склонностью последнего к варьированию, дифференциации, исконно заложенной в его структуре. Так, для смысла как феномена онтологической реальности, характерным является высокий уровень фрактальности (самоподобия). Он проявляется посредством череды оппозиций (главная из которых – осмысленность/абсурдность, то есть хаотичность/упорядоченность), находящей свое выражение через корневую специфику смысла – психоделичность.

1. Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые ; пер. с фр.: А. Т. Бикбов [и др.]; отв. ред. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2001. – 562 с.

2. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат [Электронный ресурс] / Л. Витгенштейн // Репозиторий ИВТ СО РАН. – Режим доступа: <http://elib.sbras.ru:8080/jspui/bitstream/SBRAS/9305/3/vitg.pdf>. – Дата доступа: 27.05.2017.

3. Зуев, Д. А. Структура важного жизненного события как психологического феномена / Д. А. Зуев // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. – 2012. – № 2. – С. 85–90.

4. Лири, Т. Психоделический опыт : руководство на основе «Тибетской книги мертвых» / Т. Лири, Р. Метцнер, Р. Олперт ; пер. с англ. – Львов : Инициатива ; К. : Ника-Центр, 2003. – 224 с.

ВОЙНА КАК ФУНКЦИЯ КУЛЬТУРЫ (ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

А. В. Докучаев,

*кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры
социально-философских наук*

Московского государственного института культуры

Установление взаимосвязи между войной и социально-культурными трансформациями обозначило потребность не только психологических, этнологических, социологических, но и культурологических ракурсов изучения проблемы. Формирование